

Малахов Сергей Николаевич, Фидаров Рустем Фидарикович

ЗМЕЙСКИЙ КАМЕННЫЙ КРЕСТ XI-XII ВВ. В КОНТЕКСТЕ АЛАНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

В статье изучается случайная находка каменного надмогильного креста, сделанная в 1994 г. на Змейском катакомбном могильнике X-XIII вв. (Республика Северная Осетия-Алания). Топография памятника указывает на распространение христианства в восточных районах Алании в домонгольский период и синкретические верования местного населения. Авторами выявляются семантика декора и круг ближайших аналогий найденному артефакту. Уникальная находка датируется XI-XII вв. и является источником по истории аланского православия в Центральном Предкавказье.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 3. С. 93-97. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. Резолюции первого артиллерийского совещания РККА. 25-31 мая 1924 года. Л.: Типо-литография Артакадемии РККА, 1924. 64 с.
6. Трофимов В. М.: материалы о научной деятельности ученого / под общ. ред. В. С. Коробченко. Л.: Военная артиллерийская академия, 1966. 129 с.
7. Тухачевский М. Н. Маневр и артиллерия. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. 42 с.

ACTIVITY OF THE COMMISSION FOR SPECIAL ARTILLERY EXPERIMENTS TO CREATE MORTAR ARMAMENT (1918-1927)

Losik Aleksandr Vital'evich, Doctor in History, Professor
Baltic State Technical University ("Voenmeh") named after D. F. Ustinov
poltorak2006@yandex.ru

Cherentsova Kseniya Vladimirovna
Engineering Bureau "Arsenal" in Saint Petersburg
arsenal-book@yandex.ru

The article examines activity of the Commission for Special Artillery Experiments to create new mortar samples for The Workers' and Peasants' Red Army in the 1920s. The paper is based on archival materials from the funds of the scientific archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps (Saint Petersburg). Analyzing the process of modernization and construction of new samples of short-range artillery the authors show contribution of scientists and Petrograd-Leningrad industrial enterprises to formation of the Soviet Armed Forces in the initial period of their history after the Civil War.

Key words and phrases: The Commission for Special Artillery Experiments; bomb launchers; mortars; hydrodynamic weapon; The Artillery Committee; The Main Missile and Artillery Directorate; The Workers' and Peasants' Red Army; plant "Krasny Arsenal (Red Arsenal)".

УДК 904(470.6)

Исторические науки и археология

В статье изучается случайная находка каменного надмогильного креста, сделанная в 1994 г. на Змейском катакомбном могильнике X-XIII вв. (Республика Северная Осетия-Алания). Топография памятника указывает на распространение христианства в восточных районах Алании в домонгольский период и синкретические верования местного населения. Авторами выявляются семантика декора и круг ближайших аналогов найденному артефакту. Уникальная находка датируется XI-XII вв. и является источником по истории аланского православия в Центральном Предкавказье.

Ключевые слова и фразы: каменный крест; Змейский катакомбный могильник; христианизация Алании; иконография креста; Музей древностей Алании.

Малахов Сергей Николаевич, к.и.н., доцент

Фидаров Рустем Фидарикович, к.и.н.

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
malakhoffs@mail.ru; ziglo@yandex.ru

ЗМЕЙСКИЙ КАМЕННЫЙ КРЕСТ XI-XII ВВ. В КОНТЕКСТЕ АЛАНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

В ходе археологических раскопок Змейского катакомбного могильника (Кировский район Республики Северная Осетия-Алания), которые проводились экспедицией Института истории и археологии РСО-Алания (руководитель Р. Ф. Фидаров) в 1994 году [12], у населения станицы Змейской осуществлялся сбор археологических материалов, выявленных случайно в районе раскопок в предшествующие годы.

Змейский катакомбный могильник в XI – первой трети XIII в. был городским некрополем крупнейшего городского и торгового центра средневековой Алании, находившегося в Эльхотовских воротах. Название аланского города, включенного в государство Джучидов на его южных рубежах, в золотоордынский период было известно по древнерусским источникам как Деяков / Тютяков, позднее, как Верхний Джулат / Татартуп [8].

В числе предметов материальной культуры алан XI-XII вв., происходивших из разрушенных погребений, особого внимания заслуживает каменный надмогильный резной крест, изготовленный из известняка. Крест был найден при добыче глины для Змейского кирпичного завода на территории, где, вероятно, располагался средневековый могильник. Карьер находился на одном из склонов Змейских гор, внешне ничем не примечательном. Погребения в районе обнаружения каменного креста оказались разрушенными экскаватором, поэтому ничего нельзя сказать ни о типе погребального сооружения, ни о погребенном, над могилой которого был установлен христианский символ [13, с. 10].

Уточнить более подробные обстоятельства местонахождения креста посредством выявления и опроса свидетелей сделать не удалось. Крест был обнаружен рабочими уже на глинохранилище кирпичного завода, куда он попал из карьера вместе с глиной, извлекавшейся на участке раскопок 1990-х гг. Отсутствие «загара»

на камне, хорошая сохранность рельефа на лицевой стороне подтверждают предположение о том, что он не подвергался воздействию разрушающих природных и атмосферных факторов и был найден в грунте: возможно, был повален и оказался покрыт дерном.

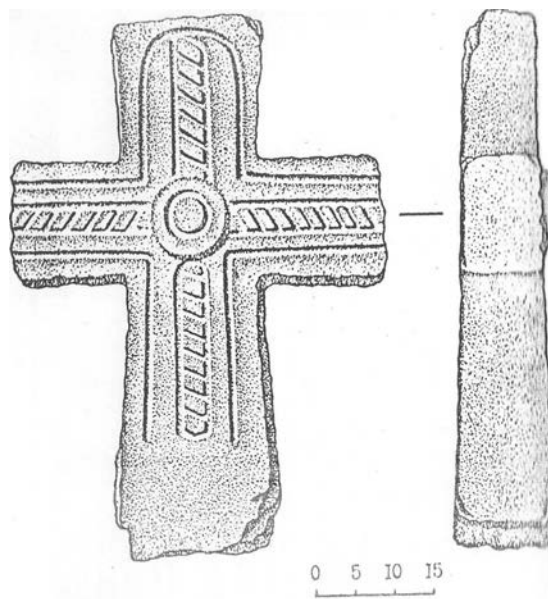
В настоящее время крест находится в экспозиции Музея древностей Алании, открытом в Северо-Осетинском государственном университете им. К. Л. Хетагурова (Рис. 1) в 2014 г.

Рис. 1. Каменный крест XI-XII вв. из Змейской (Музей древностей Алании, г. Владикавказ)

По размерам крест почти равноконечный. Ветви креста имеют ровные стесы, которые придают концам прямоугольный вид, нижняя часть лопасти сужена и подтесана для того, чтобы устанавливать крест в постамент, который поддерживал крест в вертикальном положении. Функцию такого каменного основания могла выполнять и надмогильная плита. Ширина вертикальной балки колеблется от 175 до 220 мм, общие размеры креста 480 х 680 мм, толщина плиты, из которой изготовлен крест, доходит до 170 мм.

На лицевой стороне камня имеется рельефный орнамент: в средокрестии изображен валикообразный круг с выпуклой сердцевинкой, несколько возвышающийся над плоскостью креста; от круга в средокрестии пущен жгутообразный рельеф в виде ленты ровно по центру перекладин и вертикальному столбу креста; по обеим сторонам «плетенки», на левой и правой ветвях креста, изображены параллельно, сверху и снизу, две выпуклые полосы; в верхней части ствола эти две линии завершаются арочным соединением. Рельефная композиция в целом представляет собой своеобразное размещение орнаментированного креста в кресте-монолите. Для того чтобы сделать средокрестие в более высоком рельефе, вся лицевая сторона креста, на которую было нанесено изображение, была предварительно подтесана. По толщине камень, из которого изготовлен крест, слегка увеличивается к основанию, для придания ему остойчивости (Рис. 2).

Рис. 2. Прорисовка лицевой и боковой сторон креста из Змейской

Соблюдение зеркальной симметрии при нанесении угла наклона рельефного жгута на ветвях креста, соразмерность в толщине линий, изображаемых невысоким рельефом и контррельефом, позволяют заключить, что камнерез был достаточно хорошо знаком с иконографией креста, и это не первая его работа. Жгутобразная лента в лопастях креста – вариант плетенки, орнамента из переплетающихся стеблей, линий, символизирующего вечность жизни, возрождение после смерти, воскресения Христа из мертвых. Этот тип орнамента, известный с древнехристианских времен и широко представленный в резьбе по камню, дереву, вышивках, памятниках книжного рукописного искусства, получает новый импульс к развитию в X–XIII вв. Жизнестойкость виноградных стеблей порождала не только зрительные образы, находившие воплощение в орнаментике, но и наделялась смыслами в христианском искусстве. Лоза виноградная – символ живого Христа и соответствует Его словам: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь» (Ин. 15, 1). Например, скрученный из медной проволоки нательный крест встречается в аланских погребениях Нижнего Архыза (одна из находок хранится в фондах Нижне-Архызского археологического музея) как наиболее простой, доступный символ благочестия. Такой тип креста, вероятно, имел у христиан Северного Кавказа широкое хождение вплоть до XIV века, встречались подобные изделия и в Верхнем Джулате; связано это было не только с простой и дешевой изготовлением подобного нательного крестика, но и семантикой переплетающихся линий, напоминающих об «истинной» лозе.

Слегка расширенное и округлое завершение верхней лопасти змейского креста и круг в средокрестии убеждают, что камнерез был знаком с иконографией четвероконечного, так называемого «лепесткового» креста, концы которого сотворены в виде лепестков, а середина, которая их соединяет, имеет вид круглой сердцевины. Подобные изображения часто встречались на церковных одеяниях (омофорах), декоративном украшении переплетов церковных книг, на фресковых росписях и мозаиках. Подобный четырехлепестковый крест, помещенный в плетеном круге, был представлен на фреске Среднего Зеленчукского храма (по Д. М. Струкову, на своде северной арки под главой) [5, табл. IV, 1].

Аналогичные приемы декорирования креста, характерные для змейской находки, можно увидеть уже в византийском ювелирном искусстве с V–VI вв.: прямоугольные рукава креста, украшенные плетенкой, сочетаются с круглым кабошоном – неограниченным камнем в средокрестии (см.: [15, р. 93, fig. 14a.2]).

Декор на лопастях креста визуалью выглядит как бы состоящим из трех лент, тернарная символика была хорошо понятна христианам. В целом, плетеный орнамент получает широкое распространение в X–XIII в. в камнерезном искусстве Абхазии и византийских провинциях Малой Азии [3, с. 87–207], в Западной Алании и оказывает влияние на украшение одежды знатных алан, погребенных в Змейском могильнике [6, с. 265, рис. 55, 56]. Вероятно, орнаментальные образцы для украшения каменных крестов могли заимствоваться из декора мелкой культовой пластики, фресковых росписей, литургических предметов, церковных одеяний.

Находки средневековых каменных крестов в «естественной заброшенности» (*in situ jacere*) на Северном Кавказе уже в Новое время были довольно редки. Но еще в XV в. они были довольно частой приметой предкавказского ландшафта, что не преминул отметить итальянский купец Иосафат Барбаро, посетивший Тану в 1436 г. Страна «Алания» в его представлении начиналась от восточного побережья Азовского моря и занимала все Предкавказье, и приметой этой страны были каменные кресты, располагавшиеся на курганах. Иосафат Барбаро пишет: «Название Алания произошло от племени, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются “Ас”. Они – христиане и были изгнаны и разорены татарами. Страна лежит на горах, на побережьях, на равнинах; там есть множество курганов, насыпанных руками человека; они возведены как знаки погребений. Каждый имеет на вершине большой камень с отверстием, куда втыкают крест, сделанный из другого, цельного камня. Эти курганы бесчисленны; в одном из них, как мы узнали, и был спрятан большой клад» [1, с. 137, 138]. Наблюдательный Барбаро отмечает важную конструктивную особенность такого надмогильного сооружения: крест вставляется нижним концом в специальное отверстие базовой плиты, вырубавшееся точно по сечению нижней лопасти креста.

Двусоставная крестовая надмогильная конструкция, а вместо креста могла быть и стела с изображением креста, известна с ранневизантийских времен. На изготовление подобных оснований приходилось тратить ремесленнику примерно столько же времени, сколько и на изготовление креста. Например, одна из таких монументальных прямоугольных баз экспонируется у входа в Нижне-Архызский археологический музей. Рисунок аналогичной, но небольшой по размерам базы-основания приводится в обзоре христианских памятников в VII томе «Материалов по археологии Кавказа» [10, с. 141, рис. 38], здесь же приводятся и образцы небольших, наподобие змейского памятника, надмогильных крестов [Там же, рис. 33, 37]. Каменные основания для крестов встречались и на восточных притоках Верхней Кубани (р. Индыш), где фиксировались развалины церкви и надземные гробницы верхнекубанского типа XI–XII веков (см.: [5, с. 111, 117; 11, с. 117, рис. 6]).

В Западной Алании в X–XIII вв. наряду с крестами, вытесанными из цельного монолита, изготавливались прямоугольные и остроконечные стелы, на лицевой части которых вырезалось изображение креста, наносились греческие надписи; иногда изображение креста помещалось в своеобразный углубленный киот [10, табл. XXI–XXII]. В последней четверти XIX в. стелы с нанесенными на них крестами, установленные в «каменные надгробия», находили в пяти верстах к югу от Хумаринского укрепления [Там же, с. 139, табл. XXII, 2].

Присутствие постаментов-оснований в конструкции надмогильных крестов было характерно для многих средневековых памятников Карачая и Кабарды. Ареал распространения каменных крестов В. А. Кузнецов связывает с территорией Аланской митрополии, делая при этом важное уточнение, что границы исторической

Алании могли быть шире и не везде соответствовать границам Аланской митрополии, хотя восточные границы епархии вполне могли доходить до современного г. Нальчика [5, с. 117, прим. 367].

Изготовление креста в отличие от стелы было более сложным и трудоемким процессом, поскольку приходилось удалять значительную часть материала, чтобы выделить поперечную перекладину, и не допустить возможных трещин на камне, которые часто приводили к утрате поперечных лопастей. Менее трудозатратным было нанесение изображения креста на поверхность плиты или изготовление стелы. Возможно, эти причины и приводили к появлению подпрямоугольных или округлых в сечении стел с углубленным изображением креста в ее верхней части на территории Западной Алании.

Кроме того, на выбор модели надмогильного сооружения могли оказывать влияние как материал, из которого изготавливался крест, его наличие и качество, так и некоторые причины, имеющие отнюдь не технологический, а религиозный и историко-культурный характер. Например, как свидетельствуют некоторые наблюдения над надгробными памятниками средневековой Сербии (XIV–XV вв.) и более позднего периода, – правда, речь идет о мемориальных памятниках изготовленных из дерева, в Неготинской Краине, около Валева, – умершему мужчине ставили крест, а женщине – деревянный столб без креста [2, с. 4]. В этой связи следует заметить, что изучение средневековых монументальных крестов Северного Кавказа требует накопления новых материалов, систематизации и более углубленного исследования с привлечением для сравнительного исследования синхронных памятников из сопредельных христианских регионов, входивших в византийский мир.

Тем не менее, обнаружение каменного креста в районе Змейского аланского катакомбного могильника вызывает особый интерес и позволяет сделать некоторые выводы. Над катакомбными погребениями надмогильных сооружений, судя по всему (археологами это, по крайней мере, не зафиксировано), не предусматривалось, но организованное размещение катакомб, которые не перекрывали друг друга, наводит на мысль, что на подобном кладбище все-таки присутствовали определенные знаки. находка змейского креста свидетельствует об осязаемом проникновении христианской идеологии в средневековый Верхний Джулат, один из городских центров Восточной Алании, и длительном периоде параллельного и веротерпимого сосуществования дохристианской погребальной обрядности с элементами новой – христианской.

Сам факт заказа надмогильного памятника и его изготовление может указывать на погребение довольно знатного человека или лица духовного звания. Это мог быть представитель социальных верхов, недавно обратившийся в христианство. Демонстративное погребение под крестом было свидетельством как благочестия умершего, так и приверженности к новой вере его семьи и клана родственников. «В любом случае тот факт, что лицо было погребено на могильнике, с точки зрения христианства – языческом кладбище, дает основание полагать, что покойный являлся представителем местного аланского населения и был погребен там же, где его предки и родственники. Здесь, надо думать, при погребении умершего решающую роль сыграла этническая принадлежность покойного, хотя и его конфессиональная ориентация не была проигнорирована» [13, с. 10].

Следует отметить, что среди могильников, оставленных средневековым населением Верхнего Джулата, до сих пор не выявлен христианский могильник домонгольского времени. Это дает основание считать, что Змейский катакомбный могильник является, единственным некрополем для раннесредневекового (до 1220-х гг.) периода в истории города. Та часть населения, которая придерживалась христианства, погребалась, как и все остальное население, по традиционному аланскому обряду на Змейском катакомбном могильнике. И здесь следует отметить довольно редкие случаи выявления в могилах умерших, а тем более в катакомбах, нательных крестов, что подтверждает христианское вероисповедание погребенных. С 1953 г. по 2003 г. на Змейском катакомбном могильнике было обнаружено 12 нательных крестов, которые, безусловно, заслуживают специального рассмотрения [4, с. 134; 7, с. 316; 9, с. 59; 12, с. 10, прим. 1]. Типологические и иконографические особенности найденных нательных крестов указывают на домонгольский период (XI – начало XIII в.) их производства и бытования. Несмотря на погребения умерших в катакомбах, с большим количеством вещей и даров для загробной жизни, не следует исключать, что при похоронах исполнялись и некоторые христианские ритуалы [13, с. 10].

Таким образом, археологические находки, связанные с христианской символикой на Змейском катакомбном могильнике, позволяют утверждать, что в границах Восточной Алании (в том числе среди населения города Верхний Джулат) к началу XIII в. получает распространение христианское вероисповедание, но степень христианизации населения была ниже, чем в центральных и западных областях Алании.

Однако для современников, оставивших письменные свидетельства, Алания XI–XII вв. в целом представлялась уже христианской страной, без уточнения степени региональных отличий в освоении новой веры. Более конкретные подробности усвоения аланским населением нового религиозного мировоззрения могут быть восстановлены только с опорой на археологические источники, при комплексном изучении особенностей погребального обряда, памятников христианской культовой металлопластики и надмогильных крестов. Змейский каменный крест с учетом места и обстоятельств находки дает любопытный материал для анализа религиозного синкретизма в отдаленных от христианских центров областях Алании в XI–XII вв.

Находки каменных крестов на территории центральных областей исторической Алании (Каменноостское, Жанхотеко в Кабардино-Балкарии) (см.: [14, с. 141–147, рис. 11–17]) и в более восточных (станция Змейская) свидетельствуют о развитии камнерезного ремесла, освоении христианской символики и иконографии аланскими мастерами уже в домонгольский период, что может служить косвенным подтверждением довольно высоких позиций христианской идеологии в местных сообществах, однако более точная датировка этих памятников остается по-прежнему проблематичной из-за неярко выраженного в хронологическом отношении археологического контекста.

Список литературы

1. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / вступ. статья, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 275 с.
2. Влахович М., Милославлевич П. Сельские надгробные памятники в Сербии. Белград: Изд-во журнала «Югославия», 1956. 32 с.
3. Ендольцева Е. Ю. Каменные рельефы Анакопии // Искусство Абхазского царства VIII-XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 87-208.
4. Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953-1957 гг. Орджоникидзе, 1961. С. 62-135.
5. Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977. 176 с.
6. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Изд-е 2-е, доп. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.
7. Кузнецов В. А. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы: история и культура. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 315-362.
8. Кузнецов В. А. Эльхотовские ворота в X-XV веках. Владикавказ: Ир, 2003. 191 с.
9. Куссаева С. С. Аланский катакомбный могильник XI-XII вв. у станицы Змейской // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953-1957 гг. Орджоникидзе, 1961. С. 51-66.
10. Описание каменных крестов, столбов и статуй, собранных Е. Д. Фелицыным и Г. И. Куликовским // Материалы по археологии Кавказа: в 12-ти т. М., 1898. Т. VII. С. 137-142.
11. Федоров Я. А. Аланское городище и могильник Джашырын-кала в верховьях Кубани // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии: в 3-х т. Орджоникидзе, 1969. Т. II. С. 112-119.
12. Фидаров Р. Ф. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе Республики Северная Осетия-Алания в 1994 г. (машинопись). Владикавказ, 1994. 120 с. // Архив Института археологии РАН.
13. Фидаров Р. Ф. Роль Верхнего Джулата в государственной идеологии Алании // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011. № 7. С. 4-25.
14. Чеченов И. М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг.: в 3-х т. Нальчик: Эльбрус, 1987. Т. 3. Памятники Средневековья (IV-XVIII вв.). С. 40-169.
15. Spier J., Hindman S. Byzantium and the West: Jewelry in the First Millennium. L.: Paul Holberton Publishing, 2012. 208 p.

ZMEISKAYA TOMBSTONE CROSS OF THE XI-XII CENTURIES IN THE CONTEXT OF ALANIA ORTHODOXY

Malakhov Sergei Nikolaevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Fidarov Rustem Fidarikoevich, Ph. D. in History
Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania
malakhoffserg@mail.ru; ziglo@yandex.ru

The article analyzes a tombstone cross found by accident at Zmeiskaya catacomb burial ground of the X-XIII centuries (The Republic of North Ossetia-Alania) in 1994. The monument's topography indicates propagation of Christianity in eastern regions of Alania in the pre-Mongolian period and syncretic beliefs of the natives. The authors discover the decor semantics and identify the closest analogies to the mentioned artifact. The unique finding is dated to the XI-XII centuries and is a source on history of Alania Orthodoxy in the Central Ciscaucasia.

Key words and phrases: stone cross; Zmeiskaya catacomb burial ground; Alania Christianization; cross iconography; Alania Museum of Antiquity.

УДК 394.2

Исторические науки и археология

В статье предлагается культурно-историческая интерпретация современного осетинского (аланского) традиционного календаря. Сравнение его с православным византийским церковным календарем дает систему значительных соответствий. Проведенный анализ свидетельствует о том, что дошедший до нас народный календарь воплотил в себе упрощенные формы средневекового аланского церковно-государственного и существовавшего параллельно с ним традиционного календарей, что позволяет реконструировать некоторые фрагменты некогда развитой христианской календарной культуры, которая являлась неразрывной частью аланской православной традиции.

Ключевые слова и фразы: календарная культура; православие; традиционная культура; праздники; Алания; Византия.

Мамиев Михаил Эрнестович, к.и.н.

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
mikhailmamiev@yandex.ru

ПАСХАЛЬНЫЙ ЦИКЛ В ОСЕТИНСКОМ ТРАДИЦИОННОМ КАЛЕНДАРЕ

Первые отрывочные сведения об осетинском традиционном календаре содержатся в документах и описаниях XVIII в. [8, с. 34-35, 99, 101, 163; 10, с. 74-75; 11, с. 385]. Подробные систематизированные записи